

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

ГЕНЫ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ (размышления о генеалогии, генетике и личностной идентичности, часть I)

© 2016

Е.Я. Тетушкин

**Тетушкин
Евгений**

Яковлевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН. В журнале “Человек” опубликовал статью “Существуют ли расы человека?” Человек. 2015. № 1. E-mail: tetushkin_e@mail.ru

Одной из социально значимых проблем эпохи глобализации является кризис личностной идентичности [12], сопряженный с кризисом различных коллективных идентичностей. Наверное, именно поэтому в последние десятилетия миллионы людей из разных стран увлеклись выяснением собственного происхождения. Сведения о предках, поиски своего места в ряду поколений помогают индивиду обрести утраченную идентичность, получить ответы на сакраментальные вопросы: “Кто я? Где мои корни?”.

На волне повышенного интереса к генеалогии в конце 1990-х годов возникла новая прикладная наука — генетическая (молекулярная) генеалогия, использующая в качестве документов семейных историй молекулы ДНК [7]. Она расширила возможности для самоидентификации; с ее помощью можно восстановить некоторые из отсутствующих страниц генеалогической летописи, в том числе относящихся к временам, когда никаких бумажных документов не было и в помине. Однако генеалогии генов и других геномных сегментов не отражают в полной мере родословных индивидов, которые ими обладают. Как соотносятся традиционные родословные схемы лиц, семей и родов с генеалогиями участков ДНК?

Забегая вперед, замечу, что рассмотрение этого вопроса открывает новые, малоисследованные грани проблемы детерминации личностных идентичностей, давая тем самым пищу для философствующих умов. Обращение к генетическим аспектам генеалогии [8] позволяет выявить невидимые связующие нити между локальными, или сакральными идентичностями (которые Пушкин образно охарактеризовал как “Любовь к родному пепелищу¹, / Любовь к отеческим гробам”) и многоуровневыми плюралистическими идентичностями, формирующимися в процессах модернизации традиционных обществ и всемирной глобализации.

Представленные здесь размышления созвучны общей идее, лежащей в основе замечательного фильма Сергея Параджанова

¹ Под пепелищем поэт, видимо, имел здесь в виду фамильное гнездо, домашний очаг. Хотя в другом стихотворении он употребляет это слово как синоним кладбища — последнего пристанища предков: “Стою печален на кладбище. / Гляжу кругом — обнажено / Святое смерти пепелище...”

“Тени забытых предков”, повествующего о синкретической связи судьбы человека с его природными и социальными корнями. Отсюда название статьи.

Идентичность, генеалогия и генетика индивидов

Истоки концепции личностной идентичности восходят к античной философии, но начало современного этапа ее развития обычно связывают с именами Джона Локка и Рене Декарта. В ходе этого развития возник целый спектр взаимосвязанных вопросов², выходящих за рамки чисто философского дискурса. Большинство из них разрабатываются в настоящее время не только и не столько философами, сколько психологами и социологами. Однако представляется совершенно очевидным, что полноценный анализ личностной, этнической и некоторых других идентичностей невозможен без привлечения генеалогии и генетики³.

О последнем тезисе чуть позже. А пока перечислю ключевые, тесно взаимосвязанные вопросы, возникшие в ходе философского анализа личностной идентичности.

Самый основополагающий: **1.** Кто я? — дополняется еще несколькими почти столь же фундаментальными. **2.** Что это означает — быть личностью?⁴ **3.** Чем объясняется самоощущенность индивида, т.е. сохранение личностной идентичности на протяжении его жизни?⁵ Частью этого вопроса является многоаспектная проблема начала и конца нашего существования⁶. **4.** Как можно доказать, что индивид, присутствующий здесь и сейчас, тождествен некоему индивиду, существовавшему в определенный момент недавнего прошлого. Заметим, что этот вопрос⁷ перекликается с предыдущим, но в отличие от него носит методологический характер. **5.** Два предшествующих вопроса касаются диахронной идентичности, которую отличают от дополняющей ее синхронной идентичности. Последняя предполагает существование комплекса признаков, характеризующих индивида в любой данный момент времени, в частности, в некоторой начальной и конечной точках его жизненного пути. Проблема синхронной идентичности сводится к поиску таких характеристик. **6.** Из какого “материала” “слеплены” я и другие люди? Где пролегают границы моего материального тела? Какова метафизическая природа человеческого индивида? Как она соотносится с его биологическим организмом? **7.** Возможно ли формирование моей индивидуальности в иных обстоятельствах или иной реальности? (Скажем, в других мирах.) Какие мои качества существенны для диагностики моей идентичности, а какие нет? **8.** В чем заключается практическое значение моей идентичности?

Рассмотрим эти вопросы с позиций генетики и через призму генеалогии. Совместный анализ роли генетики и генеалогии в данном случае оправдан, поскольку у них есть нечто общее.

Е. Тетушкин
Гены забытых предков

² Сжатые формулировки наиболее важных из этих вопросов и список литературы, посвященной их рассмотрению, приводятся в Стэнфордской философской энциклопедии [21].

³ Развернутый и содержательный анализ взаимоотношений между идентичностью и генеалогией с позиций социологии дается в книге Э. Зерубавеля [38].

⁴ Personhood Question.

⁵ Persistence Question.

⁶ Блестящее изложение существа этой проблемы дается в лекциях о смерти проф. Стэнфордского университета Ш. Кагана, в частности, тех, что посвящены анализу платоновского диалога Федон (Phaedo) [34].

⁷ Evidence Question.

Генеалогия — это вспомогательная историческая дисциплина, изучающая родословные. Но наука о наследственности генетика, со своих позиций, тоже изучает родословные. При своем возникновении она заимствовала у генеалогии, имевшей к тому времени длительную историю, некоторые подходы к изучению родословных; с тех пор генеалогический метод остается одним из основных методов генетики. Поэтому генеалогия, по сути, является не только вспомогательной исторической дисциплиной, но и вспомогательной генетической дисциплиной. К тому же смысл и значение основных закономерностей генеалогии могут быть поняты только в свете генетики [8]. Понятно, что биология человека накладывает глубокий отпечаток на его индивидуальность, во многом определяя ее. Как справедливо писали основатели социального конструкционизма П. Бергер и Т. Лукман, “организм продолжает воздействовать на каждую фазу человеческой деятельности по конструированию реальности и ... в свою очередь” сам “находится под воздействием этой деятельности” [2]. Но биологические особенности индивида обусловлены, хотя и не на все 100%, его геномом, который сформировался из участков ДНК, унаследованных от предков.

Первый вопрос — “кто я?” — очевидным образом связан как с генеалогией, так и с генетикой. Психолог А. Маслоу заметил, что идентичность удовлетворяет потребность в принадлежности и привязанности, являющуюся одной из базовых потребностей человека ([5], см. обсуждение [3]). Маслоу писал, что “человеку крайне важно знать, что он живет на родине, у себя дома, рядом с близкими и понятными ему людьми, что его окружают “свои”, что он принадлежит к определенному клану, группе ...”. Конечно, эта потребность удовлетворяется прежде всего в ходе взаимодействия с родными и близкими. Контакты с родителями и другими родственниками в большинстве случаев играют определяющую роль для самоидентификации индивида в начале его жизненного пути. Но осознание связи с предками, которое дают сведения о собственной родословной, несомненно, углубляет чувство принадлежности к роду, этносу (этносам) и другим сообществам. Генетический анализ, проводимый с целью изучения “биогеографических корней”⁸ индивида, содействует дополнительному укреплению этого чувства. С его помощью можно к тому же получить данные, свидетельствующие о вероятных родственных связях индивида с известными людьми прошедших веков и выдающимися современниками, что вносит дополнительные яркие краски в палитру личностной идентичности.

Второй вопрос (об обязательных атрибутах личности) тоже имеет некоторое отношение к генетике и генеалогии. В самом деле, всякий ли человеческий индивид может быть личностью? А если у него тяжелое унаследованное от предков заболевание, приводящее к такому снижению интеллекта, которое делает

⁸ Biogeographical ancestry — термин, принятый в генетической генеалогии.

невозможным формирование полноценной личности? Впрочем, подобные ситуации требуют обстоятельного и конкретного анализа. Неясно, какие именно генетические предпосылки необходимы для становления личности. Пару лет назад группа активистов пыталась добиться от Верховного суда Нью-Йорка вердикта о правовой индивидуальности (“legal personhood”) шимпанзе (недавно эта история получила интригующее развитие [17]). Судья не признал тогда этих животных — так похожих, особенно на геномном уровне, на людей — лицами в юридическом смысле (legal persons). Прав ли он? Здесь есть над чем поразмыслить.

Следующие два вопроса — третий и связанный с ним четвертый — о необходимых и достаточных условиях личностной идентичности на протяжении жизненного пути индивида. Авторы, которые пытались на них ответить, относятся к двум группам: первые практикуют психологический подход, а вторые — соматический (по терминологии Эрика Олсона [21]). Но, кажется, и те, и другие забывают про генетику, которую здесь следовало хотя бы упомянуть. Психологический подход сводится к обоснованию психической, а соматический — физической, телесной непрерывности индивида в течение его жизни. Однако в основе как психической, так и соматической непрерывности лежит функционирование генома индивида. Если его геном отягощен факторами предрасположенности к некоторым поздно манифестирующим нейродегенеративным заболеваниям, это может привести к распаду личности задолго до наступления физической кончины. Наличие других генов способно вызвать преждевременную, раннюю смерть организма и тем самым прекратить бытие личности. В “норме” (всегда относительной) сохранение личностной идентичности на фоне возрастных изменений тоже зависит, хотя и не всецело, от структуры и работы генома.

Пятый вопрос — о синхронной идентичности⁹. Здесь можно вспомнить, что комплексы признаков, характеризующих индивида в определенные моменты времени, тоже находятся под частичным генетическим контролем. Синхронная идентичность, как и диахронная, во многом определяется структурно-функциональными характеристиками генома.

Шестой вопрос — о материальной и метафизической природе человеческого индивида. Что касается его материальной природы, то для биолога здесь все более-менее ясно, по крайней мере, в общих чертах. Она является продуктом взаимодействия наследственности и среды¹⁰. А вот очертить границы материального тела индивида не так просто. Согласно концепции расширенного фенотипа Ричарда Докинза [4], фенотипические эффекты гена обычно не ограничиваются телом организма и простираются на объекты окружающей среды, которая включает как тела иных организмов, так и другие гены самого данного организма, его симбионтов и паразитов. Для обозначения

⁹ Отметим, что проблема синхронной идентичности разрабатана хуже, чем неразрывно связанная с ней проблема диахронной идентичности, см. [32].

¹⁰ Как заметил один ученый остроумец, личностные характеристики определяют на 100% наследственностью и на 100% окружающей средой. Надо добавить, что эти признаки испытывают также заметное влияние стохастических процессов в ходе онтогенеза и функционирования различных молекулярных структур.

этого феномена Докинз использует метафору “длинная рука гена”. Из концепции расширенного фенотипа вытекает, что гены индивида, а также весь его организм являются частью среды, к которой они адаптировались в процессе эволюции. Поэтому тело человеческого индивида, по-видимому, включает не только его физическое тело и сожительство с ним микробиом, но и какие-то элементы внешней среды. Однако в любом случае необходимым условием для формирования как материального тела, так и в какой-то мере метафизической природы конкретного человека (при ее рациональной интерпретации) является возникновение уникального, специфичного для него генома. А необходимым условием для образования такого генома служит происхождение данной персоны от определенных предков, обладающих соответствующими генетическими факторами.

Ответ на седьмой вопрос, касающийся формирования одной и той же личностной идентичности в совершенно разных условиях, по-моему, очевиден — это невозможно, поскольку личность является продуктом взаимодействия наследственности и среды. Наши двойники (дай им бог здоровья) из параллельных вселенных, существование которых постулируется некоторыми современными физиками [29], рождаются, растут и умирают в таких же условиях, что и мы сами. Другая грань этого вопроса — о допустимых отличиях индивида от его реального воплощения, приобретение которых не приведет к смене его идентичности, или, иными словами, о совокупности характеристик, существенных для идентификации данной конкретной личности. По сути, здесь опять же идет речь о синхронной идентичности, которая, как отмечалось, базируется, хотя и не всецело, на генетическом фундаменте.

Восьмой вопрос — о практическом значении личностной идентичности. На этот счет существуют два противоположных мнения. Одни философы полагают, что идентичность сама по себе имеет практическое значение, а другие — что она его не имеет (см. ссылки у Олсона [21]). Первые заостряют внимание на том обстоятельстве, что любой индивид несет ответственность за свои действия и в той или иной мере заботится о собственном будущем, то есть о поддержании своего существования и о сохранении своей идентичности. Ну а, по мнению вторых, за действия индивида может отвечать кто-то другой, принимающий, по сугубо рациональным соображениям, участие в его судьбе. Этот другой может рассматривать данного индивида как своего ментального преемника, который унаследует особенности его личности, или же принять во внимание то, что между ними существует еще какая-нибудь связь. Однако генетика недвусмысленно свидетельствует, что **идентичность, безусловно, имеет практическое значение**. Хотя генетическая и личностная идентичности не вполне совпадают, последняя в значительной мере базируется на структуре индивидуального

генома. Геномное описание индивида, его генетическая идентификация, получает документальное оформление в виде генетического паспорта (первые варианты которого уже разработаны). Существование подобного документа, во многом отражающего идентичность индивида, создает предпосылки для возникновения персонализированной медицины — одного из многообещающих практических приложений как геномики, так и концепции идентичности.

Итак, генетика и генеалогия органически связаны со всеми основными вопросами, возникающими при анализе личностной идентичности. Это важно, но не менее важно другое. В конце 1990-х годов на фоне широко распространившегося увлечения составлением семейных историй, возникла, как уже отмечалось, генетическая генеалогия [7]. Ее развитие породило новый, еще больший генеалогический бум, который привел к трансформации самой концепции идентичности¹¹. В настоящее время происходят радикальные сдвиги в наших представлениях об идентичности, обусловленные как развитием молекулярной генеалогии, так и быстрым прогрессом геномики.

Какое место занимают генеалогия и генетика в структуре личностной идентичности? Вот самые общие соображения о *генеалогической идентичности* и *генетической идентичности*¹².

На первый взгляд, генеалогия дает самые фундаментальные и прочные основания для конструирования идентичности. В отличие от некоторых других идентичностей, производных от разного рода коллективных идентичностей, а также порождаемых жизненными обстоятельствами и/или являющихся продуктом воображения, генеалогическая идентичность базируется на объективных, документально подтвержденных сведениях о происхождении данного индивида от известных предков. В своих основных чертах она обычно детерминирована генетическими задатками, полученными от родителей, и их принадлежностью к определенным социальным группам. Поэтому ее иногда считают примордиальной идентичностью. Знания о более далеких предках и родственниках корректируют процессы самоидентификации, с одной стороны ограничивая, а с другой — обогащая фантазию индивида.

Однако с “примордиальностью” генеалогической идентичности не все так однозначно. Конечно, мы являемся детьми своих родителей и через них потомками великого множества предков по восходящим линиям. От них каждый из нас получил свое биологическое наследство и почти каждый (за исключением сирот, не знавших собственных родителей) — значительную часть культурного наследства. Это основной багаж, с которым мы приходим в мир. В этом смысле генеалогическая идентичность, действительно, первична, примордиальна. Но реальная практика реконструкций и интерпретаций родовых словных, как правило, субъективна и порождает деформированные представления о генеалогических идентичностях.

¹¹ Как справедливо заметил Зерубавел: “The rise of genetic testing has made genealogy more popular than ever — and transformed our concept of identity” [33]. Известный психолог Стивен Пинкер охарактеризовал американскую “корнемагию” второй половины нулевых как “генеалогическое сумасшествие” [22].

¹² Е.О. Труфанова пишет: “Часто говорят о различных идентичностях человека, но это не совсем верно. Существует множество идентификаций, идентичность же — одна” ([11, с. 13]). Выходит, что термины “генеалогическая идентичность” и “генетическая идентичность” не имеют права на существование. Но они прижились, равно как и другие термины, обозначающие “частные идентичности”. Так, сама Е.О. Труфанова в другой, опубликованной ранее статье замечает: “В зависимости от основания идентификации можно говорить о различных типах социальной идентичности: профессиональной, этнической, региональной, политической и т.д.” ([10, с. 95]). К тому же, приведенное высказывание не согласуется с обычным пониманием связи между понятиями “идентификация” и “идентичность”. Обычно считается, что первое обозначает некий процесс, а второе — результат этого процесса. Впрочем, на следующей странице процитированной статьи автор вроде бы с этим соглашается: “идентификация является процессом определения индивидом самого себя, процессом построения идентич-

ности". Уточню, что идентификация — это не только самоидентификация, но и процедура установления идентичности индивида с помощью тех или иных методов, например, генетических. В постмодернистской философии под идентификацией имеется в виду постоянная смена идентичностей [28].

Из великого множества предков и родственников отбирается в соответствии с определенной социальной логикой, относительно узкий круг лиц. В результате интерпретации полученных схем фабрикуются социально-мотивированные генеалогические нарративы, лежащие в основе конструируемых идентичностей. (Приемы, используемые при создании таких нарративов, описаны в последнем разделе.)

Персональная идентичность проявляется на двух взаимосвязанных уровнях — индивидуальном и социальном [11]. Тот и другой связаны с генеалогией индивида, поскольку она накладывает неизгладимый отпечаток как на его уникальные психологические характеристики, так и на особенности усвоения им норм окружающей социальной среды. Генеалогическая идентичность в свою очередь тоже распадается на два компонента — биологический и культурный. Первый обусловлен преимущественно унаследованной структурой генома, а второй определяется духовным, материальным и символическим капиталом, полученным от предков (под символическим капиталом имеется в виду социальный статус и репутация).

Личностные идентичности “встраиваются” так или иначе в различные коллективные идентичности, а точнее подстраиваются под них. Соответствие индивидуальных и групповых идентичностей объясняется тем, что в основе формирования и тех, и других лежит генеалогическая логика, свойственная человеческому мышлению. Причины такого хода мыслей коренятся в универсальных характеристиках организации базовых социальных структур, элементарным прототипом которых служит ядерная семья, объединяющая ближайших родственников [16]. Она включает родителей и детей. Если присоединить к ней более отдаленных предков и родственников, то получим *расширенную семью*, тоже представляющую собой одну из форм генеалогического сообщества. В пределе, положенном границами нашего вида, такая семья эквивалентна человечеству. Наиболее крупными и важными из сообществ, основанных на предполагаемых генеалогических связях, являются этносы и расы. Однако во многих случаях бытующие мнения о тесном родстве и общности происхождения представителей этносов и рас не подтверждаются данными генетики. Особенно это касается рас [9].

Ядро идентичности человека определяется его принадлежностью к тем или иным генеалогическим сообществам. Поскольку их размер пропорционален числу поколений, разделяющих современных членов с предками-основателями, они образуют иерархические структуры [37]. Поэтому генеалогические идентичности индивида тоже образуют инклюзивную иерархию. Чем древнее и, следовательно, масштабнее генеалогическое сообщество, к которому он себя причисляет, тем больше уровней включает его идентичность. Сходным образом

построены и другие ключевые идентичности, например, профессиональные. Принципы их социального конструирования тоже базируются на архетипических представлениях о разнообразных взаимосвязях предков и потомков. Эти взаимосвязи служат прототипом наиболее важных отношений, возникающих между людьми. Подобные “семейные родословные” скрепляют, например, сообщества научных работников; диаграммы, отображающие “научные генеалогии”, приводятся на интернет-ресурсе The Academic Family Tree [26], а “родословным деревьям” философов посвящен отдельный сайт Philosophy Family Tree [31]. В данном случае квазигенеалогические схемы отражают связи между научными руководителями и, шире, основателями научных школ и направлений с их учениками и последователями.

Как видим, основополагающие идентичности по своей структуре не похожи на фрагменты *замкнутого* “лабиринта идентичностей”, в котором якобы бесконечно блуждает человек, увлеченный самопознанием [11]. Метафора замкнутого лабиринта здесь не подходит. Частные персональные идентичности скорее похожи на луковицы. Адекватную метафору, выражающую способ формирования “единого ... Я человека, сочетающего различные Я-образы” [11], можно найти в постмодернистской философии Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Я имею в виду их концепцию ризомы¹³. Хотя постмодернисты, как мне показалось, “пишут не для того, чтобы быть понятыми”¹⁴, весьма общая и расплывчатая идея ризомы отражает существенные стороны реальности. Знатокам постмодернизма сравнение генеалогической и подобных ей идентичностей с ризомой, возможно, покажется парадоксальным, поскольку как ясно и лаконично сформулировали Делёз и Гваттари: “Ризома — это антигенеалогия”. Ризома противопоставляется ими дереву, схематический образ которого используется для представления семейных родословных. Согласно взглядам этих авторов, “ризома обладает крайне разнообразными формами, начиная с внешней протяженности, разветвленной во всех направлениях, кончая конкретизацией в луковицах и клубнях”. Таким образом, ризома включает луковицы, которые, по-моему мнению (сформировавшемся задолго до знакомства с процитированным постмодернистским опусом), служат прототипом генеалогических и иных иерархических идентичностей. Но ведь такие луковицы отражают инклюзивную иерархию, имманентно присущую структуре ветвей и побегов генеалогических деревьев. Древесность этих структур является следствием полового размножения. Персональная идентичность представляет собой систему генеалогических и псевдогенеалогических идентичностей, соединенных паутиной взаимных связей.

Вернемся к мысли о формирующем влиянии коллективных идентичностей на персональные идентичности. Если рассматривать систему коллективных идентичностей как ризому,

¹³ Термин ризома, якобы заимствованный из ботаники, вызывает у русскоязычного биолога семантический диссонанс. В курсе ботаники, встречается термин ризом. Это слово мужского рода, обозначающее своеобразные мочковатые корневища и стелющиеся побеги у некоторых низших растений. Сам термин, вероятно, происходит от лат. rhizoma, что означает корневище. Но, корень (разновидностью которого является корневище) в народном восприятии служит символом мужского начала. Зачем же переводчик подменил мужественный ризом женственной ризомой!? Во французском тексте Делёза и Гваттари (Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux. Paris, Les Editions de Minuit. 1980) использовалось слово rizome, которое произносится почти также, как и его русский эквивалент. В английском переводе упомянутой книги, где повторно рассматривается выдвинутая в 1976 году идея “ризомы”, тоже используется слово rizome [27].

¹⁴ Цитата из курса лекций знаменитого физика Р. Фейнмана: “поэты пишут не для того, чтобы быть понятыми”.

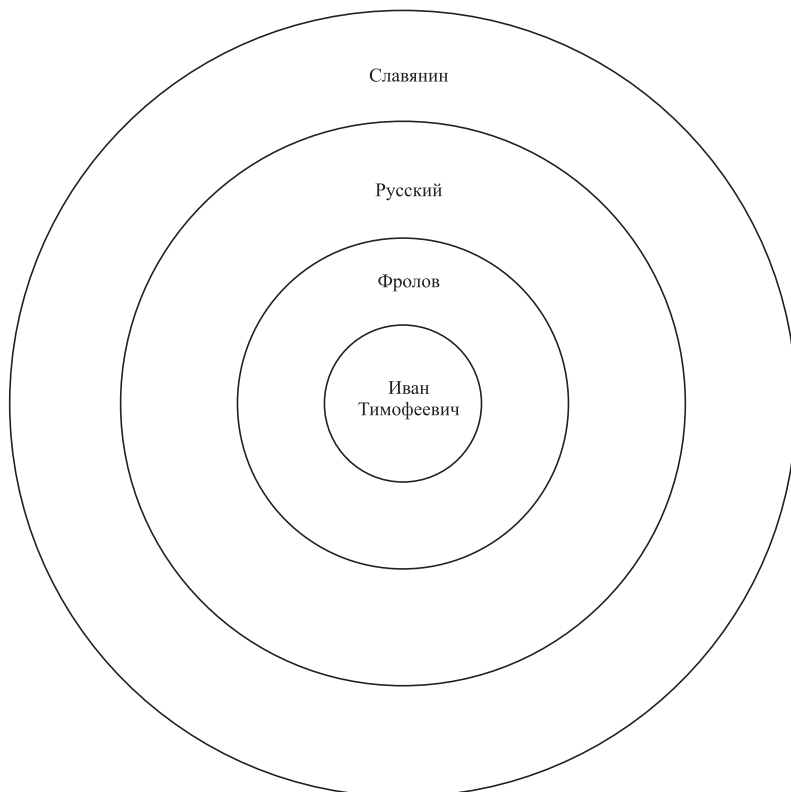

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Иерархическая структура генеалогической (родовой и этнической) идентичности И.Т. Фролова по мужской линии

то общие контуры идентичности отдельного индивида можно уподобить искаженной и редуцированной проекции этой внешней ризомы. Вместе с тем персональные идентичности индивидов, особенно так называемых исторических личностей, могут накладывать отпечаток на давно сложившиеся коллективные идентичности. Таким образом, личностная идентичность — это не замкнутый лабиринт, из которого нельзя выбраться даже с помощью нити Ариадны, а открытая изменчивая система, эволюционирующая вместе с социумом. Это относится и к генеалогическим идентичностям, которые, как и генеалогические сообщества, являются продуктом социального конструирования.

Теперь о генетической идентичности, которая, наряду с генеалогической, тоже нередко рассматривается как примордиальная, эссенциалистская. В последние десятилетия решающими аргументами в пользу истинности любых реконструируемых или подвергающихся сомнению родословных служат данные генетического тестирования, или, иными словами, генетической идентификации. Это одно из проявлений глубокой взаимосвязи между двумя родственными формами идентичности — генеалогической и генетической. В то же время генетическую идентичность можно назвать *неосознаваемой идентич-*

со всеми представителями своего митохондриального клана. Сам он принадлежит к клану Тары, мтДНК которой относится к гаплогруппе Т. В заключительной главе книги, претенциозно озаглавленной “Осознание себя”, автор рассуждает о мистической связи, соединяющей его с праmaterью Тарой и ее потомками по женским линиям:

“За тысячу рядов [предков] от меня стоит сама Тара ... Стоящие в громадной толпе наши предки ... чувствуют натяжение нитей, которые лучами отходят от нее .... Я ощущаю, как и у меня внутри словно что-то тянет. Стоя на ярко освещенной сцене бытия, я осматриваюсь, смотрю направо и налево и понимаю, что другие чувствуют то же, что и я. Это другие люди из клана Тары. Мы всматриваемся друг в друга, ощущая сильную взаимную связь. Я вижу своих братьев и сестер. Теперь, когда мне известно, кто они, во мне растет какое-то глубокое чувство общности, большей близости к этим людям, чем к другим. ... Когда два человека обнаруживают, что принадлежат к одному клану, у них неизбежно возникает это чувство общности” и т.п.

Этот текст, написанный более 15 лет назад, примечателен, в частности, тем, что он вступает в противоречие с антиэссенциалистскими тенденциями, доминирующими в науках о человеке на протяжении последних десятилетий [14]. Гаплотипы причисляются здесь к сущностным характеристикам индивидов. Отсюда вытекает, что обладатели гаплотипов, принадлежащих к одной гаплогруппе, образуют естественные общности людей, имеющих общее происхождение и сходную генетическую идентичность. Но ведь в геноме человека насчитываются десятки тысяч различных гаплотипов. И каждый из них представляет ту или иную гаплогруппу, восходящую к гаплотипу некоего общего предка. Получается, что любой человек имеет десятки тысяч эссенциалистских идентичностей и по разным своим гаплотипам может группироваться с разными людьми.

Однако один гаплотип — это маленький камешек в огромной мозаичной картине генетической идентичности индивида. К тому же гаплотипы мтДНК и Y-хромосом, идентифицируемые в ходе генеалогических изысканий, не несут функциональной нагрузки. Поэтому сведения о таких однородительских маркерах мало что говорят о генетической идентичности индивида. Разве только о его происхождении по женской и/или мужской линии, то есть всего по одной-двум из великого множества генеалогических линий. Тем не менее, представление об эссенциалистских идентичностях, привязанных к отдельным гаплогруппам, безоговорочно разделяется энтузиастами, задающими тон на соответствующих тематических сайтах, в том числе русскоязычных (см. [7, 1]). Завсегдатаи таких интернет-площадок образуют “воображаемые генетические сообщества” [25], членство в которых определяется принадлежностью к той или иной гаплогруппе.

В последние годы завзятых любителей молекулярной генеалогии, пожалуй, больше интересовали родословные Y-хромосом, а не мтДНК. Причем, на отечественных профильных сайтах наибольшим уважением пользуются носители гаплотипов из гаплогруппы R1a, к которой принадлежит почти половина мужского населения России (включая автора статьи). Они провозглашаются солью Земли русской и даже единственными истинными арийцами (см. [1]). В то же время обладателей гаплотипов, находящихся на второй ветви большой гаплогруппы R, а именно, имеющих маркеры гаплогруппы R1b, там не жалуют. Видимо, потому, что носители гаплотипов R1b... доминируют среди западных европейцев — наших давних геополитических соперников. Всем таким мужчинам, включая россиян, отечественные эпигоны Сайкса присвоили прозвище “эрбины” (это, по сути, приблизительный эквивалент употребительного в прошлом слова “басурмане”. В том смысле, как употреблял его, например, Лермонтов: “Вот затрещали барабаны — / И отступили басурманы”; к слову, сам Лермонтов, как показало изучение его современных родственников, проведенное Сайксом, был “эрбином”, что согласуется с версией о древних шотландских корнях поэта). Мой знакомый “эрбин”, который завел аккаунт на одном из русскоязычных тематических сайтов, подвергся там откровенной дискриминации. В Рунете политику разделения людей по наличию у них тех или иных генетических маркеров иногда называют гаплорасизмом.

Однако эссенциалистские представления об идентичности становятся все более и более влиятельными и притягательными [14] только среди энтузиастов, увлеченных молекулярной генеалогией и не отягощенных познаниями в области генетики. У них сформировалось убеждение, что генетика получила объективные научные доказательства того, что личностная идентичность является врожденным, естественным и неизменным качеством индивидов. Причем обычно они отождествляют эту идентичность с конкретными гаплотипами.

Серьезные специалисты в области генетики и антропологии не разделяют подобных наивных эссенциалистских воззрений на природу личностной идентичности. Антиэссенциалистские взгляды современных биологов созвучны с антиэссенциалистским образом мыслей современных философов науки [23].

Тем не менее данные о гаплотипах, будучи осознанными, несомненно, влияют на идентичность индивида. Причем на разные, хотя и перекрывающиеся, типы идентичности: политическую, этническую, религиозную, семейную, а в случае индусов еще и кастовую [15]. Этот аспект темы будет рассмотрен в следующей статье. Здесь же отметим, что данные о генетических маркерах дают не только скудную, но подчас и противоречивую информацию об идентичности индивидов, которая допускает разные интерпретации (см., напр., [15, 20, 19]).

¹⁶ В которых изучается совокупность маркеров, разбросанных по всему геному.

¹⁷ Комплекс вопросов, касающихся связи геномных маркеров с личностными идентичностями, рассматривается в превосходной научно-популярной книге Л. Франк [13]. Особый интерес представляют приведенные там тексты интервью с известными генетиками, молекулярными генеалогами, психологами и психиатрами. Хороший очерк под названием "My Genome, My Self" опубликовал упомянутый психолог Пинкер [30].

¹⁸ Определения и оценки генетического эссенциализма, генетического детерминизма и генетического редукционизма можно найти в работе [35].

Более-менее репрезентативную картину генетической идентичности могут дать так называемые широкогеномные¹⁶ исследования. А вот полноценное мозаичное панно, отражающее генетическую идентичность индивида, можно создать только на основе результатов геномного секвенирования, которое в настоящее время осуществляется или планируется в рамках ряда масштабных проектов (1000 Genomes и др.). Не лишено оснований суждение [18], что генетическую идентичность следует отличать от геномной идентичности, хотя обычно подразумевается, что это одно и то же. Когда говорят о персональной генетической идентичности, как правило, имеют в виду результат идентификации индивида по молекулярным маркерам вкупе с его интерпретацией. Геномная же идентичность основывается не на отдельных участках ДНК, "помеченных" теми или иными маркерами, а на всей ДНК индивида. Изучение целостных геномов позволяет, в принципе, выявить бесчисленные связи между наследственностью и фенотипом человека (физическими признаками, поведенческими особенностями, личностными качествами)¹⁷. Таким образом, в фундаменте геномной идентичности лежит не идентификация человека по фрагментам ДНК, а его подробная биологическая индивидуализация.

Геномика окончательно подорвала позиции эссенциализма как в биологии, так и в человекознании, сильно ослабленные еще в XIX веке благодаря трудам Чарльза Дарвина и Джона Стюарта Милля [24]. Потуги дилетантов в области молекулярной генеалогии возродить эту философскую установку не выдерживают критики. Генетический эссенциализм, который они исповедуют, стоит в одном смысловом ряду с такими отжившими концепциями как генетический детерминизм и генетический редукционизм¹⁸.

В заключение этого раздела упомяну о самом важном обстоятельстве, определяющем содержание генеалогических, генетических, да и любых других идентичностей. Все они зависят от нашего восприятия прошлого, которое меняется вместе с изменением социальной ситуации [36]. Это касается как коллективных, так и персональных идентичностей. В первом случае ключевое значение для их конструирования имеет субъективный выбор времени начала истории группы, а во втором — начала "истории" индивида, соотносенной с историей групп, к которым он себя причисляет. Временной горизонт традиционной генеалогии невелик. Поэтому "объем" генеалогических идентичностей, конструируемых на основе бумажных документов, тоже весьма ограничен (даже у правителей и аристократии). Молекулярные же документы позволяют заглянуть в глубь веков и тысячелетий. Поэтому содержание генетических идентичностей зависит не только от количества имеющейся геномной информации, но и от субъективно выбранных точек отсчета. На основе одних и тех же

данных, можно сконструировать разные по пространственно-временным масштабам генетические идентичности. Используем относительно недавние датировки — получаем картину локальной генетической идентичности индивида, выбираем более древнюю точку отсчета — получаем представление о его комплексной мультирегиональной и многослойной идентичности.

Литература

1. *Балановская Е.В., Боринская С.А., Бужилова А.П., ... Тетушкин Е.Я.* и др. ДНК-демагогия Анатолия Клесова // Троицкий вариант. 2015. № 1.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум”, 1995.
3. *Гречко П.К.* Личностная идентичность: перспективы и ресурсы конструирования // Вопросы социальной теории. 2011. Том V. С. 293–318.
4. *Доккинз Р.* Расширенный фенотип: длинная рука гена. М.: Астрель, Corpus. 2010.
5. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. <http://www.bsu.by/Cache/pdf/464163.pdf>
6. *Сайкс Б.* Семь дочерей Евы. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003.
Сайкс Б. Расшифрованный код Ледового человека: От кого мы произошли, или Семь дочерей Евы. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2005.
7. *Тетушкин Е.Я.* Генетическая генеалогия: история и методология // Генетика. 2011. Т. 47. № 5. С. 581–596.
8. *Тетушкин Е.Я.* Генетические аспекты генеалогии // Генетика. 2011. Т. 47. № 11. С. 1451–1472.
9. *Тетушкин Е.Я.* Существуют ли расы человека? // Человек. 2015. № 1. С. 5–31.
10. *Труфанова Е.О.* Идентичность и Я // Вопр. философии. 2008. № 6. С. 95–105.
11. *Труфанова Е.О.* Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–22.
12. *Федотова Н.Н.* Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6. С. 50–58.
13. *Франк Л.* Мой неповторимый геном. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015.
14. *Brodwin P.* Genetics, Identity, and anthropology of essentialism // Anthropological Quarterly. 2002. Vol. 75. P. 323–330.
15. *Elliott C., Brodwin P.* Identity and genetic ancestry tracing // BMJ. 2002. Vol. 325. P. 1469–1471.
16. *Fox R.* Kinship and Marriage: An Anthropological Perspective. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983 [1967].
17. *Grimm D.* Judge rules research chimps are not ‘legal persons’. Jul. 30, 2015. DOI: 10.1126/science.aac8941. *Grimm D.* The scientist behind the ‘personhood’ chimps // Science. 2015. V. 348. P. 1187–1188.
18. *Hauskeller C.* Genes, genomes and identity. Projections on matter // New Genetics and Society, Vol. 23 (3), 2004. P. 285–299.
19. *Jobling M.A., Rasteiro R., Wetton J.H.* In the blood: the myth and reality of genetic markers of identity // Ethnic and Racial Studies, Vol. 39, 2016. P. 142–161.

20. Nordgren A., Juengst E. T. Can genomics tell me who I am? Essentialistic rhetoric in direct-to-consumer DNA testing // *New Genetics and Society*, Vol. 28, 2009. P. 157–172.
21. Olson E. T. Personal Identity. 2010. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/identity-personal/> Reprinted in S. Schneider, ed., *Science Fiction and Philosophy*, Blackwell 2009. См. список трудов Олсона с адресами их электронных копий на ресурсе URL: <https://www.sheffield.ac.uk/philosophy/research/publications/olsone>
22. Pinker S. Strangled by roots: The genealogy craze in America. // *New Republic*, August 6, 2007, pp. 32–35.
23. Richardson A. Introduction // *Critical Quarterly*. 2011. Vol. 53 (4). P. 1–11.
24. Richardson A. Against finality: Darwin, Mill and the end of essentialism // *Critical Quarterly*. 2011. Vol. 53 (4). P. 21–44.
25. Simpson B. Imagined genetic communities: Ethnicity and essentialism in the twenty-first century // *Anthropology Today*. 2000. Vol. 16. P. 3–6.
26. URL: <http://academic-tree.org/>
27. URL: http://vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl=98694f379ecda7539e
28. URL: <http://www.ido.rudn.ru/ffec/philos/ph11.html>
29. URL: <http://www.modcos.com/articles.php?id=40>
30. URL: <http://www.nytimes.com/2009/01/11/magazine/11Genome-t.html?pagewanted=1&ref=magazine>
31. URL: <http://philosophyfamilytree.wikispaces.com/Philosophy+Family+Tree>
32. URL: https://www.researchgate.net/profile/Benjamin_Young4/publication/228689625_Synchronic_Selfhood_as_a_necessary_condition_for_diachronic_Personal_Identity/links/543032570cf277d58e96ad78.pdf?ev=pub_int_doc_dl&origin=publication_detail&inViewer=true
33. URL: http://www.salon.com/2011/11/08/why_do_we_care_about_our_ancestors/
34. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M6_J79ZsXko
35. Vitti J.J., Cho M.K., Tishkoff S.A., Sabeti P.C. Human evolutionary genomics: ethical and interpretive issues // *Trends in Genetics*. 2012. Vol. 28. P. 137–146.
36. Zerubavel E. In the beginning: Notes on the social construction of historical discontinuity // *Sociological Inquiry*. 1993. V. 63. P. 457–459.
37. Zerubavel E. Social identity and social descent: Some sociological reflections on population genetics // *Sociological Forum*, 2000. Vol. 15. P. 361–366.
38. Zerubavel E. *Ancestors and Relatives: Genealogy, Identity, and Community*. Oxford: Oxford University Press. 2011, 238 pp.